

Выступление Эльвиры Набиуллиной на пленарном заседании Государственной Думы, посвященном рассмотрению Годового отчета Банка России за 2022 год

20 апреля 2023 года

Выступление

Добрый день, уважаемые коллеги, Вячеслав Викторович (Володин — Ред.)!

И, конечно, в начале хотела бы поблагодарить всех депутатов, все фракции за работу по рассмотрению нашего годового отчета. Эта работа была очень интенсивная и предметная. За год наша экономика прошла большой путь: от шока из-за введенных санкций к адаптации и восстановлению и развитию в новых условиях. Сейчас наша политика направлена на то, чтобы создать условия для устойчивого роста в новых реалиях.

Вспомним весну прошлого года. Тогда на российский финансовый сектор, да и на всю экономику обрушился буквально шквал санкций. Курс рубля резко упал, на фондовом рынке была огромная волатильность. Тогда нам прочили коллапс, огромный кризис, который должен был разрушить финансовую систему и парализовать нашу экономику. Но этого не произошло. На мой взгляд, мы справились благодаря многому, но основные факторы хотела бы назвать: во-первых, это высокая адаптивность наших компаний, наших предприятий, рыночная основа нашей экономики; во-вторых, накопленный в предыдущие годы запас прочности; в-третьих, конечно, оперативность антикризисных мер Правительства и Банка России. И большое спасибо Государственной Думе за то, что очень оперативно рассматривали наши законодательные инициативы и были приняты все необходимые меры.

Со стороны Банка России главным защитным инструментом стало таргетирование инфляции. Вы помните, мы к этому режиму денежно-кредитной политики перешли на фоне кризиса в 2014 году. Это было трудно, болезненно, тогда было много споров — а правильно ли мы поступаем, не подождать ли какого-либо другого, более подходящего момента. Но сейчас мы видим, насколько это решение было оправданным. Благодаря тому, что у нас хорошо был отлажен инструментарий таргетирования инфляции, было доверие рынка к нему, мы смогли и быстро успокоить финансовый рынок, и быстро преодолеть пик роста цен.

Мы подняли ключевую ставку до 20%. Вместе с мерами финансовой стабильности, ограничениями на движение капитала и регуляторными послаблениями для финансового сектора это позволило быстро пресечь панику на валютном рынке.

Резкое повышение ставки позволило нам сократить продолжительность острой фазы кризиса.

Почему это было важно сделать и быстро, и радикально? Когда и предприятия, и граждане растеряны, встревожены, они склонны действовать импульсивно. Всплеск инфляции подкидывает

вверх инфляционные ожидания, причем на много месяцев вперед, и все бросаются искать спасение от этой будущей инфляции, покупая товары, иностранную валюту, что еще сильнее подстегивает инфляцию. В итоге страдает экономика, компании начинают придерживать платежи (так как завтра деньги будут дешевле), нарушаются цепочки поставок, растут цены на товары ажиотажного спроса, что, в свою очередь, еще больше раскручивает инфляцию. И такую спираль потом уже достаточно сложно остановить. Поэтому надо было как можно быстрее преодолеть этот момент высокой турбулентности.

В итоге годовая инфляция вернулась к нормальным значениям за год, а не за 2,5. Столько это заняло после кризиса 2014 года. И мы смогли снизить ставку к докризисным уровням за 7 месяцев, а не за 3 года, как в прошлый раз.

Конечно, здесь сработали и скорость, и большой шаг решения – сразу до 20%, но главное – что мы инструменты таргетирования инфляции отработали до этого. В отличие от большинства других стран, мы не полагались на то, что разогнавшаяся инфляция, как было практически во всем мире после пандемии, самопроизвольно опустится. Мы реагировали на риск инфляционной спирали своевременно.

И сейчас на примере крупнейших экономик можно видеть, что пропущенный момент в борьбе с инфляцией дорого стоит потом. Денежно-кредитная политика должна быть направлена на будущее, в полном объеме учитывать баланс будущих рисков для ценовой стабильности. Мы сохраняем ставку 7,5% с сентября. Да, показатель годовой инфляции опустился до 3,5% в марте и еще опустится в апреле. Но текущий рост цен, месячный прирост с поправкой на сезонность, складывается вблизи 4%. Инфляционные ожидания пока – и у граждан, и у бизнеса – выше, чем были в 2018–2019 годах, когда инфляция была вблизи 4%. Внешние условия также остаются сложными. Чтобы возникло пространство для дальнейшего снижения ставки, необходимо, чтобы проинфляционные риски снизились. Если же мы пожертвуем ценовой стабильностью, то не сможем защитить наших граждан, наши предприятия в будущем. Низкая и предсказуемая инфляция – это важный фактор роста реальных доходов населения, защиты покупательной способности сбережений и благосостояния граждан. И предсказуемости условий ведения бизнеса для предприятий.

Принятые решения позволили также стабилизировать валютный рынок. Курс рубля после очень сильных колебаний вернулся в диапазон предыдущих лет. Сейчас его изменения отражают потоки экспорта, импорта, финансовых операций. Мы сохраняем приверженность плавающему курсу как действенному стабилизатору для национальной экономики. Вмешиваться в работу валютного рынка мы считаем допустимым (и необходимым), только тогда, когда события на нем создают угрозу для финстабильности, как это было, например, прошлой весной.

Весной прошлого года были введены и жесткие валютные ограничения. Эти ограничения были необходимы для стабилизации валютного рынка в тех условиях, когда часть наших резервов была заморожена, и одновременно как ответная, зеркальная мера на санкции.

Часть ограничений потом были ослаблены и сняты. Нас спрашивали во время обсуждения во фракциях, почему. На наш взгляд, это было абсолютно необходимо, чтобы не создавать препятствий для наших компаний, которым необходимо стремительно, кардинально перестраивать свою внешнеэкономическую деятельность, систему международных расчетов, и эти ограничения мешали бы выстраиванию нашими компаниями своей внешнеэкономической деятельности. Часть ограничений, прежде всего ответного характера, сохраняется. Мы считаем, что вносить в них существенные изменения на настоящий момент нецелесообразно.

Для перестройки и расширения деятельности предприятиям сейчас больше даже, чем обычно, нужны долгосрочные финансовые ресурсы. Все это прекрасно понимают. Ставки по длинным кредитам, по долгосрочным облигациям, хотела бы подчеркнуть, зависят не столько от текущего

значения нашей ключевой ставки, на что обращают внимание, сколько от того, верят ли банки, их вкладчики, инвесторы, верят ли они, что мы в перспективе будем держать инфляцию на цели. Когда мы повышением ключевой ставки остановили рост цен и сбили девальвационные и инфляционные ожидания, стоимость заимствований стала сокращаться. Здесь на графике вы видите, что доходность ОФЗ, государственных облигаций, от которой напрямую зависят кредитные ставки в экономике, она даже весной поднялась меньше, чем наша ключевая ставка, а затем снижалась. Но если бы мы дали инфляции разогнаться, то сейчас и для бюджета, и для компаний заимствования были бы дороже.

Перед тем как перейти к развитию отдельных секторов финансового рынка, я хотела бы несколько слов сказать о структурной перестройке экономики.

Это большой путь, который наша экономика должна пройти, чтобы встать на путь устойчивого роста. Мы весь год работали над тем, чтобы поддержать этот процесс. Низкая инфляция, и как следствие — доступный кредит, работающий фондовый рынок, страхование, длинные деньги, которые граждане инвестируют в облигации и акции наших компаний, — все это факторы поддержки структурной трансформации.

И очень важный итог прошлого года: мы видим, что такая трансформация идет, предприятия адаптируются к переменам, находят новых поставщиков, новые рынки сбыта. Наш мониторинг предприятий (а мы постоянно опрашиваем 14 тыс. предприятий) показывает, что, например, весной прошлого года две трети компаний говорили о проблемах с поставками необходимых импортных комплектующих и сырья, а сейчас таких компаний только 12%. Это иллюстрирует, что процесс адаптации идет, и мы обязаны с вами создать условия для его облегчения.

Теперь о банковском секторе.

Прошлой весной наши банки получили очень жесткую комбинацию факторов: санкции разрушили внешние связи, реализовался валютный риск, а клиенты-физические лица внутри страны начали забирать деньги. Люди так всегда реагируют на неопределенность — предпочитают держать дома наличные.

Мы поддержали банки через масштабные регуляторные послабления, временно заморозили курсовую переоценку, переоценку ценных бумаг, дали возможность использовать так называемые буферы. И сделать это было возможно только потому, что наш банковский сектор в целом был здоров. Мы могли гибко отнестись и к нормативам, потому что знали, что они вернуться в норму после преодоления шока.

Высокая ключевая ставка также сделала привлекательными ставки по депозитам, люди начали возвращать деньги в банки. У нас по итогам года даже приток средств в банковскую систему (и людей, и компаний). То есть доверие к банкам сохранилось. Депозиты защищали и продолжают защищать сбережения от инфляции. Сейчас банки отказались от многих послаблений. Что важно — системной докапитализации банковского сектора, к которой мы прибегали в прошлые кризисы, не потребовалось. И главное при этом — банки продолжали выполнять свою основную функцию, кредитовать экономику.

И поскольку мы действительно очень короткое время держали ключевую ставку высокой, остановки кредитования не произошло. Напротив, кредитование предприятий росло даже быстрее, чем в спокойном 2021 году.

При этом ставки по кредитам пошли вниз, как только пошли вниз инфляция и ключевая ставка.

Кредитные ресурсы будут играть большую роль в развитии экономики. И сейчас важно поддержать, расширить потенциал кредитования со стороны банковской системы. Мы практически

во всех фракциях и комитетах обсуждали эту тему. Мы для этого убрали временно надбавки к капиталу, и это высвободило дополнительный потенциал кредитования со стороны банков до 15 трлн рублей. А еще на 10 трлн этот потенциал увеличат наши будущие меры, которые мы разрабатываем, по стимулирующему регулированию.

Мы с Правительством разработали так называемую таксономию: проще — критерии определения тех проектов, которые поддерживают импортозамещение, технологический суверенитет. И для таких проектов банки смогут предлагать более комфортные условия кредитования, нагрузка на капитал банков по таким кредитам будет меньше. Рассчитываем, что новое регулирование начнет применяться уже во второй половине этого года.

Ипотека. Здесь сохранился рост, но уже на более нормальных уровнях, не как в 2021 году, когда были некоторые элементы перегрева.

Конечно, ипотека росла во многом за счет государственной поддержки, практически половина ипотеки выдавалась с государственными льготами. Такие программы, правда, хорошо работают в кризис: они поддерживают спрос на жилье, а через него — строительную отрасль. Но, на мой взгляд, применяя такие меры важно не терять из виду главное, а главное — это цель ипотеки. А цель ипотеки — это прежде всего доступность жилья для людей. Чтобы цена квартиры, объем кредита, который люди должны выплачивать много лет, были посильны для них, и не были бы чрезмерными по сравнению с их будущими доходами. Поэтому сейчас, на наш взгляд, надо особое внимание обратить на те проблемы, которые в ипотеке возникают. Нам нельзя допустить роста рискованной ипотеки, и для этого мы уже задействуем наши инструменты. Если будут вопросы, я готова подробно остановиться на них. Мы также в комитетах и на фракциях эти вопросы обсуждали, потому что про ипотеку практически все депутаты задавали вопросы.

Теперь о расчетах и платежах.

В прошлом году, с первой же волной санкций, из России буквально за считанные дни ушли международные платежные системы. Но поскольку у нас была своя собственная развитая платежная инфраструктура и даже все операции по международным картам обрабатывались внутри страны, то все карты продолжали работать как обычно. И это сохранило практически привычный уровень сервиса для граждан внутри страны.

Вы знаете, что часть банков также была отключена от SWIFT, и мы долгие годы работали над тем, чтобы создать альтернативу SWIFT внутри страны. И наша Система передачи финансовых сообщений также сработала и подхватила вот этот поток внутри страны, который раньше обслуживался SWIFT.

Но одна из важнейших задач, одна из самых сложных задач, по которой много предстоит еще сделать, — это трансграничные международные расчеты и платежи. Причем их нужно выстраивать по тем каналам, которые не могут перекрыть санкции, и мы сейчас ведем большую двустороннюю работу со странами-партнерами.

Цифровой рубль.

Мы хотим скорее войти в пилот. Это будут реальные операции с реальными деньгами, но на небольшие суммы и для ограниченного числа клиентов. После анализа результатов пилота мы сможем предложить цифровой рубль уже большему кругу желающих.

Мы цифровой рубль рассматриваем именно как средство для платежей и расчетов, дополнительное средство, но не для сбережений. На цифровые рубли не начисляются проценты, в них не будут выдаваться кредиты.

А вот переводы в цифровых рублях будут для людей абсолютно бесплатными. Мы сейчас

ориентируемся на сумму где-то в 300 тыс. рублей в месяц для пополнения цифрового кошелька (это уже за пределами пилота). Всю эту сумму, а также другие остатки на кошельке — например, если вы получили цифровые рубли от кого-то еще, — можно будет переводить себе, другому человеку без процентов. То есть это как минимум в три раза больше, чем сейчас в Системе быстрых платежей, которая, кстати, тоже набрала популярность в последние годы.

Следующая важнейшая тема — защита прав потребителей.

В целом банки и другие финансовые посредники становятся все более клиентоориентированными. Но не то чтобы они добровольно исправились. Здесь помогли и ужесточение поведенческого надзора, постоянный контроль за банками, за тем, как они выстраивают отношения со своими потребителями, клиентами. Были введены специальные документы, ключевые информационные документы, в которых банк обязан в стандартной понятной для людей форме рассказать обо всех параметрах продукта, о всех платежах по этому продукту, о всех рисках. Также введен период охлаждения, чтобы люди могли подумать и отказаться от лишних услуг и невыгодных продуктов. Но мы видим, что новые креативные практики все равно появляются, и надзор нам приходится ужесточать. Эти практики не носят массового характера, это более частные нарушения. Когда, например, формально банк предлагает низкую ставку, а потом с помощью комиссий и страховок вытрясает из человека деньги, в кавычках назовем «сравнительно честным путем».

Мы будем беспощадны к таким практикам, потому что они подрывают доверие к финансовой системе. И спасибо большое Думе, большая помощь в этой работе для нас то, что в прошлом году Банк России был наделен особыми полномочиями требовать от банка обратного выкупа ненужных, навязанных человеку финансовых продуктов, приостанавливать продажи таких продуктов.

Значимая проблема на протяжении последних нескольких лет, которую тоже мы обсуждали с вами, — это социальная инженерия.

Для борьбы с ней нужна координация наших усилий с правоохранительными органами, с банками, с телеком-операторами. У нас уже есть системы быстрой блокировки мошеннических номеров и сайтов. И здесь нам очень помогло взаимодействие с Генеральной прокуратурой. За прошлый год мы серьезно нарастили эту работу, потому что появились правовые основания, нужные законы были приняты.

Мы видим, что количество атак, к сожалению, продолжает возрастать, но количество успешных атак все-таки сокращается. И нам нужно продолжать эту работу, и больше ответственности, на наш взгляд, должно быть на банках, на том, как они внутри выстраивают свои анти-мошеннические процедуры. Потому что сейчас последствия социальной инженерии расхлебывают только сами люди.

И последнее, на чем я хотела бы остановиться сегодня, — это на приоритетных законопроектах. Вы на слайдах здесь видите. Это не все, конечно, законопроекты, инициативы, с которыми мы выходим, но я хотела бы остановиться именно на них, так как они важны для дальнейшего развития финансового рынка.

Первое — это законопроект о новом порядке расчета полной стоимости кредита, когда все накрученные комиссии, все страховки будут включаться в расчет. Сейчас этого до сих пор нет, часть комиссий включается, но нет у человека полного представления о том, сколько он платит за тот или иной кредиты. И это очень важно для борьбы с навязыванием, с неявным завышением ставок. Мы видим, сколько рекламы про низкие ставки, а реально эти ставки высокие. Законопроект подготовлен ко второму чтению. Понятно, что много дискуссий, банкам он не нравится, но, на наш взгляд, потребителям он абсолютно нужен. Большая просьба ускорить его принятие.

Второй законопроект связан с борьбой с мошенничеством. Мы считаем, что банк обязан компенсировать человеку потери, если банк совершил перевод на счет, про который известно из информационного обмена с Центральным банком — а мы ведем специальную базу таких подозрительных счетов — что этот счет принадлежит мошенникам. Если банк перевел туда деньги, то он обязан выплатить (компенсацию — ред.) человеку по этому переводу.

Это действительно важный закон, и для нас вообще деятельность по защите прав потребителей на финансовом рынке не на втором плане, она на таком же первом плане, как и защита устойчивости финансовых институтов, потому что это жизнь наших граждан. Конечно, технологии развиваются, но вместе с технологиями мы видим, как развиваются мошеннические операции. И наша задача, мы ее видим как собственную задачу, и здесь просим помощи у вас — должен быть перелом, чтобы люди чувствовали себя спокойно, когда обращаются к финансовым институтам, получают финансовые сервисы.

Еще два законопроекта, по которым мы хотели бы попросить вашей поддержки по приоритетному рассмотрению.

Законопроект о цифровом рубле. Я уже о нем сказала, мы очень его ждем, чтобы начать пилот. Мы считаем, что цифровой рубль как добровольное использование новой формы платежей и расчетов будет полезно и для граждан, и даст перспективу для выстраивания более эффективных международных расчетов. Мы, кстати, на эту тему работаем с нашими партнерами из других стран.

И последнее — тема уже много обсуждалась в стенах Государственной Думы — это использование криптовалют. Было у нас много споров, вы знаете нашу позицию. Мы считаем, что в новых условиях возможно и нужно ограниченное использование криптовалют для внешних расчетов. Внешние расчеты у нас затруднены, мы ведем большую работу с иностранными регуляторами, но мы готовы быть гибкими и дать возможность предпринимателям рассчитываться с зарубежными контрагентами через крипту, если это поможет сейчас решать их проблемы. Конечно, это нужно делать аккуратно, в рамках экспериментального правового режима, не допуская использование криптовалюты для расчетов внутри страны.

И совсем уже в завершение. Что показал опыт прошлого года. Опыт прошлого года показал, как важно иметь здоровую финансовую систему. Мы потратили относительно спокойные годы на ее оздоровление. Это был болезненный процесс, все, наверное, помнят, но зато банкам в этот кризис не понадобилась помощь от государства. Наоборот, они продолжали кредитовать и предоставлять кредитные каникулы — я об этом не сказала, но кредитные каникулы в этот период были нужны людям, малому бизнесу, и банки предоставили кредитные каникулы на 2 трлн рублей. Это могла сделать только здоровая банковская система.

Опыт прошлого года также показал, как важно иметь собственную инфраструктуру расчетов. Мы и дальше будем ее развивать. И как важно обеспечивать и ценовую, и финансовую стабильность. Только на этой базе возможно устойчивое развитие экономики, повышение благосостояния людей, рост их реальных доходов.

И я благодарю депутатов за очень предметное, очень обстоятельное рассмотрение всех вопросов, вопросов было много. И самое важное, наверное, то, что у нас была совместная работа в прошлом году, у нас общие с вами задачи, цели. Очень была важна ваша поддержка для принятия необходимых законов для развития экономики и финансового сектора.

Благодарю за внимание, спасибо!